ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 11.07.2022 | Евгений Прейгерман

Главный трансформационный вызов НАТО

Нынешнее единство НАТО впечатляет. Но впереди беспрецедентный вызов для Альянса – нарастающее противостояние с Китаем.

Саммит НАТО в Мадриде впечатлил единством и решительностью государств-членов в условиях крайне неблагоприятных изменений среды безопасности. Такой вывод напрашивается после анализа новой стратегической концепции Альянса и уже принятых в ее рамках практических решений. Происходит действительно историческая трансформация НАТО.

Основной акцент по итогам саммита политики и СМИ по понятным причинам делали на изменившемся восприятии России. В 2010 году, когда принималась предыдущая концепция, НАТО стремилось развивать с Москвой стратегическое партнерство. Сейчас же Россия названа «самой значительной и прямой угрозой безопасности членов Альянса». Это значительное изменение системы координат и возврат к ситуации холодной войны, когда у НАТО был понятный враг в виде конкретного государства и его военно-политических союзов. Другая долгосрочная трансформация, которая несет в себе потенциал серьезных проблем для Альянса, – в официально заявленных претензиях к Китаю.

«Системный вызов»

В стратегической концепции НАТО Китай упомянут впервые, и сразу же в качестве «системного вызова». По мнению лидеров Альянса, «заявленные Китаем амбиции и политика принуждения бросают вызов нашим интересам, безопасности и ценностям». То есть в отличие от России, как самой насущной угрозы здесь и сейчас, Китай определен главным долгосрочным вызовом. Такое ранжирование повторяет формулировки, которые уже несколько лет используются Вашингтоном и будут вскоре закреплены в новом издании оборонной стратегии США.

В этом смысле администрация Байдена может быть довольна. Даже сторонникам Трампа и его политики America First она теперь может предъявить понятный аргумент: наши масштабные расходы на безопасность в рамках НАТО не напрасны – союзники консолидировано поддерживают нас в надвигающейся схватке века с Китаем. Показательно и особое внимание, которое в Мадриде уделили Индо-Тихоокеанскому региону. Оттуда на саммит НАТО впервые были приглашены лидеры стран – союзников США: Австралии, Японии, Новой Зеландии и Южной Кореи.

В отличие от России, как самой насущной угрозы здесь и сейчас, Китай определен главным долгосрочным вызовом

Непосредственно Китаю в стратегической концепции посвящены два (из 49) абзаца. Кроме того, подчеркивается, что КНР быстро расширяет ядерный потенциал и развивает современные средства доставки без должной транспарентности. Еще в нескольких местах Пекин подразумевается, но не называется напрямую. Например, заявляется, что проблемы стран на юге от НАТО создают почву для «дестабилизирующего и принуждающего вмешательства со стороны стратегических конкурентов». Говорится о растущем потенциале стратегических конкурентов в области новых технологий.

При этом один из двух «чисто китайских» абзацев начинается со слов об открытости Альянса к «конструктивному взаимодействию с КНР». Это значит, что помимо вызовов в отношениях с Китаем имеются и возможности, из-за чего многие страны НАТО заинтересованы сохранить с ним максимально плодотворное сотрудничество. Однако уже следующее предложение возвращает к центральной мысли: НАТО намерено сделать все возможное, чтобы противостоять «системному вызову со стороны КНР».

Неудивительно, что сам Китай воспринял итоги Мадридского саммита крайне негативно, несмотря на оговорки о намерении НАТО конструктивно с ним сотрудничать. А в международных отношениях первостепенную роль играет фактор восприятия чужих намерений, а не сами эти намерения. Свою политику как в отношении Альянса, так и его отдельных государств Пекин будет выстраивать именно исходя из собственного восприятия трансформации НАТО.

И здесь показательна статья китайской миссии при ЕС,

опубликованная в *EUObserver* через несколько дней после саммита. Она заканчивается очень жесткими строками: «Мы не будем наивными относительно стратегической концепции НАТО. Как поется в знаменитой китайской песне: “Для наших друзей у нас есть хорошее вино. А шакалов и волков мы встретим с ружьями”».

Европейские дилеммы

Многие европейские члены НАТО, в том числе ключевые, не готовы принять такой уровень конфронтации с Китаем как новую нормальность. И на то есть объективные основания. Для некоторых из них системное обострение отношений с Пекином подразумевало бы очень болезненные последствия, которые не соответствуют их восприятию исходящих от Китая угроз.

Почему же тогда они подписались именно под таким текстом новой стратегической концепции?

Отношение к Китаю в ЕС за последние годы действительно изменилось в худшую сторону, особенно на фоне пандемии. Общественно-политический дискурс вокруг отношений с Пекином в европейских странах куда мягче, чем в США, но риски чрезмерной зависимости от сотрудничества с Китаем в них теперь проговариваются острее, чем несколько лет назад. Примечательно, что обнародованный в марте «Стратегический компас» ЕС называет КНР «системным соперником», при этом дальше не развивает критическую линию.

Многие европейские члены НАТО, в том числе ключевые, не готовы принять такой уровень конфронтации с Китаем как новую нормальность

Но одно дело поставить подпись под документом, который активно лоббирует ваш главный союзник, а другое – выстраивать политику в строгом соответствии с его положениями. Особенно если это с высокой вероятностью будет вести к следующим последствиям:

- системной деградации торгово-экономических отношений с Китаем, разрушению цепочек добавленной стоимости и логистической инфраструктуры и, как результат, серьезному экономическому кризису;
- формированию антизападного альянса между Россией и Китаем;
- нарастанию военно-политической напряженности между Западом и китайско-российским альянсом (ни о какой

стратегической автономии ЕС в условиях такого противостояния не может быть и речи);
- подрыву международного сотрудничества в преодолении глобальных вызовов (климатическая повестка, вопросы нераспространения, пандемии и т.д.).

При этом в европейских дипломатических и экспертных кругах встречается мнение, что принятие новой стратегической концепции НАТО позволит удачно разделить географические зоны ответственности. Мол, если США сконцентрируются на противостоянии с Китаем, ЕС сможет взять на себя лидерство в Европе и избежать прямого вовлечения в конфронтацию в Индо-Тихоокеанском регионе. Но питать такие надежды – это выдавать желаемое за действительное и сильно упрощать реалии современного мира. Геополитическое противостояние в нем не имеет строгого географического измерения и по определению распространится почти на все сферы жизни, изменит повседневность абсолютного большинства европейцев.

Исторический вызов

Трансформационная дилемма для НАТО теперь такова: как сохранить закрепленные статьей 5 Устава взаимные гарантии безопасности в условиях кардинально меняющихся географии и содержания системного противостояния? Еще в 1958 году Вильгельм Вольфганг Шютц задавался похожим вопросом: «Хорош ли [оборонный] пакт, когда он обязует партнеров к политическим и экономическим действиям далеко от дома?». Но сегодня дилемма выглядит еще более сложной.

Что делать с ней – главный долгосрочный вызов и для отдельных членов НАТО, и для всей организации, ее миссии и даже *raisond'être*. Он обострит еще многие противоречия среди членов Альянса и беспрецедентно усложнит сохранение союзного единства.

Евгений Прейгерман
Минск

Евгений Прейгерман (Yauheni Preiherman) – директор Совета по международным отношениям «Минский диалог», доктор (PhD) политики и международных исследований. Основные исследовательские интересы: внешняя политика малых стран, международные отношения в Восточной Европе, евро-атлантическая и евразийская безопасность.